

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

И.А. Поплавская

ПИСЬМА А.И. МЕЩЕВСКОГО К В.А. ЖУКОВСКОМУ

В РГАЛИ в фонде В.А. Жуковского хранятся 7 писем поэта, переводчика Александра Ивановича Мещевского (1787 – ок. 1820), адресованных «первому русскому романтику»¹. Время создания этих писем – 1809–1817 гг. Они охватывают период жизни и службы Мещевского в Москве и годы его ссылки, проведенные в Оренбурге². Известно, что Мещевский был воспитанником московского университетского благородного пансиона и принадлежал к кружку поэтов этого пансиона, принимал участие в Отечественной войне 1812 г., однако вскоре был разжалован в солдаты и сослан в Оренбургский гарнизонный полк.

В отношениях двух поэтов можно выделить два значимых этапа. Как явствует из переписки, знакомство Жуковского и Мещевского состоялось, по-видимому, либо в конце 1807 г., когда поэт переехал из Белева в Москву для работы в качестве редактора журнала «Вестник Европы», либо в 1808 г. при посредничестве Василия Андреевича Азбукина (ум. в 1832 г.), штабс-капитана, внебрачного сына А.И. Протасова, брата М.А. и А.А. Протасовых³. Их отношения возобновились в 1809 г., когда на страницах «Вестника Европы» увидели свет стихотворения Мещевского. Всего же в этом журнале в период с 1809 по 1817 г. было опубликовано 14 его произведений. Среди них идиллия «Счастье уединенного» («Счастлив, кто, будучи свободен от сует»; 1809. № 9), стихотворные подборки: эклога

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 110.

² См.: ПЖТ. С. 171, 189; *Роскина Н.А.* Новое о поэте А.И. Мещевском // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 537–540; *Лотман Ю.М.* Неизвестные стихотворения А. Мещевского // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1961. Вып. 104. С. 277–280; *Поэты 1790–1810-х гг.* Л., 1971. С. 703–718; *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 236; *Арзамас*: сб.: в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 420, 582; Кн. 2. С. 348–349, 558; *Зыкова Г.В.* Мещевский А.И. // Русские писатели. 1800–1917: биограф. слов. М., 1999. Т. 4. С. 39–40; *Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852.* М., 2009. С. 183–184, 188, 190, 194; *Поплавская И.А.* Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века. Томск, 2010. С. 96–109.

³ Подробнее о В.А. Азбукине см. в комментарии О.Б. Лебедевой к стихотворению В.А. Жуковского «Добрый совет. В альбом В.А. Азбукину» // ПССиП. Т. 1. С. 682–683.

«Меналк и Дамет» («Покоясь у ручья, под тенистою ивой»), «Дружба» («О дружба, дар прелестный»), аллегорический диалог в стихах «Орел и чиж» («Я полный властелин воздушного всего!») (1810. № 10), романс «Эдальвине» («Невольник слез и ночь, и день»), послание «К Нине» («Могилы на краю хладающей рукою»), «Пловец» («Схвачен бурей жизни цвет») (1817. № 3), «Вечерняя песнь» («Какая цепь миров горит»), «Присутствие милой» («Тобой я полн, когда огонь денницы»), являющееся переводом стихотворения И.В. Гете «*Nahe des Gelieben*», «Аделаида» («Друг Аделаиды одинок в дуброве!»), с немецкого (1817. № 5), «К луне» («Верная подруга душ несчастных, сирых»), вольный перевод с немецкого (1817. № 6), «Стихи на счет прелестной девушки, которую зовут Надеждою» («Как рано дней моих светило угасает»; 1817. № 8), «Эдгар и Эльвина» («Уже последний солнца свет»; 1817. № 11), «Мальвина» (1817. № 14). Все они напечатаны под криптонимами: «А. Ме...ской», «А. Мещ...вский», «М.», «N.», «Оренбург», «А.М.». И по содержанию, и по жанровому составу (идиллия, эклога, романс, послание, песня) стихотворения Мещевского вписывались в традиции русской сентименталистской лирики и «легкой поэзии» 1810-х гг. и были достаточно органичны для «Вестника Европы» данного периода. Уже в заглавии многих из них чувствуется влияние на Мещевского поэзии редактора «Вестника Европы».

Следующий этап в диалоге Жуковского и Мещевского приходится на 1816–1817 гг. В это время Мещевский, находясь в Оренбурге, работает над стихотворным переложением повестей «Наталья, боярская дочь» Н.М. Карамзина и «Марьиная роща» Жуковского¹. Изначальная поэтичность «Марьиной рощи» Жуковского, ее генетическая связь с лирическими жанрами явилась, на наш взгляд, основной эстетической причиной обращения Мещевского к переложению этой прозаической повести в стихи. Переложив в стихи «старинное предание» Жуковского, а еще ранее «Наталью, боярскую дочь» Карамзина, стихотворный текст которой появился в печати в 1817 г., опальный поэт предполагал таким образом улучшить свое финансовое положение и, возможно, в будущем получить прощение или же смягчение своей участи. Помощь Мещевскому Жуковский неизмен-

¹ Подробнее об этом см.: Поплавская И.А. «Наталья, боярская дочь» Н.М. Карамзина и А.И. Мещевского // Карамзин и время. Томск, 2006. С. 192–206; Поплавская И.А. Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX века. Томск, 2010. С. 96–109.

но рассматривал как часть своей философии жизнестроительства. Не случайно, обращаясь к А.И. Тургеневу по поводу издания переложения Мещевского «Наталья, боярская дочь», Жуковский в письме из Дерпта от второй половины января 1817 г. писал:

Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека¹.

Та же просьба содержится и в письме Жуковского к А.И. Тургеневу от апреля 1818 г.:

<...> прилагаю письмо от бедного Мещевского, – солдата-поэта. Он перевел в стихи мою бедную «Марьину рошу»; я ее здесь продал. Он посвящает ее нам: тебе, мне и Вяземскому. Нельзя ли чего для него собрать? Если удастся, доставь мне².

С просьбой о материальной помощи Мещевскому Жуковский обращается и в письмах к А.П. Елагиной³. В это же время переписку с Мещевским ведет и П.А. Вяземский. В фонде Вяземского в РГАЛИ находятся 12 писем Мещевского к нему, относящихся к 1816–1819 гг.⁴

Из семи писем Мещевского, адресованных Жуковскому и дошедших до нас, датировано только одно. Остальные письма содержат либо только дату написания без указания года, либо вообще не датированы. Опираясь на содержание этих писем и известные нам факты биографии обоих поэтов, мы располагаем их в реконструируемой нами хронологической последовательности.

1

Не позднее апреля 1809 г. Москва.

Милостивый государь Василий Андреевич!

Извините, что человек, которого время и обстоятельства принудили прервать столь лестное для него знакомство Ваше, в самом его начале, желает возобновить оное. Вспомните ли вы воспитанника университетского Пансиона, имевшего честь познакомиться с вами через Василия Андреевича Азбукина?⁵

¹ ПЖТ. С. 171.

² Там же. С. 189.

³ *Переписка* В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. С. 184, 194.

⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2308.

⁵ В.А. Азбукин и в дальнейшем служил своеобразным посредником между Мещевским и, в частности, семьей Елагиных. В письме Жуковского к А.П. Елагиной от

Благосклонность, с которою ободряли вы меня в слабых, едва начинающихся трудах моих; ласковые приемы, в самые часы вашего занятия, и, наконец, горестные обстоятельства, которыми я окружен, заставляют меня искать вашей помощи. Может быть, это письмо отнимет у вас несколько минут в приятных трудах – но благосклонность и внимание к оному могут и в сии милые минуты осчастливить несчастного. Не знаю, может быть, я обманусь в этой надежде – но крайность заставляет меня говорить с вами откровенно.

Я сирота, без имени, без родителей, без состояния. Благодаря судьбе, я не обделен природою; я получил хорошее воспитание и имею сердце, которое чувствует во всей силе бедственное состояние сиротства и беспомощности, и не могу быть камнем к презрительному, но, к несчастью, принужденному бездействию, меня убивающему. Но вы человек, посудите же, что значит воспитание, когда самая низкая бедность, когда суровость <нрзб.> лишают средств доставить оным собственный кусок хлеба? Я оставил мою службу – почему? спросите вы с удивлением – получая 150 рублей жалованья, я должен был иметь свою квартиру, свой стол, свое платье. Ни одна копейка сторонней помощи мне не помогала. Я перебивался кой-как, видел колкие насмешки достаточных моих товарищей – и наконец, с сожалением, принужден был выйти в отставку. Теперь я лишен всего, живу в чужой квартире, питаюсь чужим хлебом; это благодеяние делает мне один из прежних товарищей моего учения; но он и сам человек бедный и часто бывает с одним рублем, не зная, где завтра получит другой. Вот мое состояние. Крайность чрезвычайная заставила меня его обнаружить и просить вашей помощи. У меня есть несколько стихов, которые к вам посылаю. Мне бы очень хотелось, для моего поддержания, употребить их в дело. Если они, по вашему рассмотрению, найдутся годными, продать их, если можно, или, по крайней мере, напечатать небольшой книжкой; может быть, это могло бы мне доставить случай, по которому бы впоследствии мог бы я жить без нужд; но я ничего не имею, искал везде сторонней помощи, нигде не нашел ее и, в последний раз, решился прибегнуть к вам. Признаюсь вам искренне, что недостаток одежды заставляет меня не видеть вас; что ж делать, если судьба, может, слишком несправедливо лишила меня совершенно того, чем других наградила с избытком! Приходит праздник, мне нечем <прикрыться>, это самое заставляет меня прибегнуть к вашему великодушию. Если сердце ваше не чуждо чувствительности, оно призрит несчастного, изнуренного беспрестанными нуждами.

Надеюсь, что ответ ваш ободрит меня случаем увидеть вас лично.

Остаюсь преданный вам *А. Мещевский*.

15 сентября 1816 г. поэт пишет: «...посылаю вам письмо, полученное мною из Сибири. Спросите Азбукина о сочинителе этого письма; он знает его обстоятельства. Вам же, мои милые сестры, посылается оно для того только, чтобы вы с своей стороны подали также помощь Мещевскому» // Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагинной. С. 183–184.

Если же желания мои не могут быть исполнены, то смею вас просить напечатать некоторые из сих стихов в вашем Вестнике, когда найдете их к тому годными, и тем ободрить меня на скользком пути поэзии¹.

Письмо датируется на основании следующих моментов. Оно написано на бумаге с водяными знаками «Р 809», «1809», в нем автор дважды указывает на возможность личной встречи с Жуковским. Наконец, в «Вестнике Европы» за 1809 г. в № 9 была опубликована идиллия Мещевского «Счастье уединенного» («Счастлив, кто, будучи свободен от сует»), которая могла быть в числе тех «нескольких стихов», посланных Мещевским Жуковскому для возможной публикации в журнале и о которой, по-видимому, идет речь в следующем письме.

2

*<Вторая половина мая 1809 г. Москва. –
Конец мая 1810 г. Москва>*

Милостивый государь Василий Андреевич!

Я гоним нищетой и случаем; вы видели это из письма моего; теперь, когда посетила меня последняя крайность, решил я, забыв все и следуя побуждению одной необходимости, краснея, просить вашей помощи. Благодетель мой отъезжает в деревню; оставил для меня за собою наемную квартиру – вот все, что он был в силах сделать. Но хлеб и дрова должен я иметь свои; притом же и платье, в котором я часто имел нужды для выхода, было не мое; он увозит его с собою. Искренно признаюсь вам, я не имею ни копейки; не имею даже надежды получить оной.

Представьте, на что могу я решиться в таких обстоятельствах и чем перевозному их? Помогите мне 25 рублями. Голос нужды говорит вам за меня, поверьте, не камень будет пользоваться вашим благодеянием; еще раз умоляю вас, поправьте горестную мою нужду, без которой я никогда бы не решился утруждать вас. Если и эта надежда меня обманет, я потеряю себя: она последняя.

Остаюсь преданным вам – *А. Мещевской*.

Благодарю вас за помещение стихов моих в вашем «Вестнике»; я, как ребенок, обрадовался, увидев их. Постараюсь по силам моим и обстоятельствам заниматься Поэзиею, будучи уверен, что вы будете мне всегда руководствовать в оной.

*А.М.*²

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 110. Л. 7–8 с об.

² Там же. Л. 6 с об.

Основанием для датировки может служить выход в свет майского номера журнала «Вестник Европы» (1809. № 9), в котором была опубликована идиллия Мещевского «Счастье уединенного», а также другая публикация в этом же журнале (1810. № 10) трех произведений Мещевского, среди которых эклога «Меналк и Дамет» («Покаясь у ручья, под тенистою ивой»), «Дружба» («О дружба, дар прелестный»), аллегорический диалог в стихах «Орел и чиж» («Я полный властелин воздушного всего!»). Косвенным подтверждением датировки может служить и упоминание об отъезде в деревню в конце весны «благодетеля» Мещевского, в наемной квартире которого в Москве поэт проживал, как это следует из предыдущего и настоящего письма.

3

Не позднее первой половины 1812 г. Москва

Милостивый государь Василий Андреевич!

Чувствительно благодарю вас за ваши обо мне старания; вижу, что расположение ваше искренно, но вижу и то, что не достоин его. С сердечным сокрушением смотрю я на заботливость вашу и Николая Николаевича¹ в самом моем заблуждении; что делать! первый порочный шаг <ступлен>, я не имею твердости отвратиться от него, не имею духа смотреть прямо на моих благодетелей; признаюсь – они даже страшат меня. Я забыл всех; но, может быть, меня не все забыли; может быть, не ожесточение, но сострадание к моему разврату раздрают теперь сердце моей матери и отца²; может быть, теперь слезы природы зовут меня заблудшего возвратиться к родительской нежности, может быть – я помню мое младенчество; помню, как матерняя нежность заставляла меня часто забывать суровость обстоятельств, встречавшихся от несчастного моего рождения; как младенческая моя чувствительность, еще не совсем потерянная, восхищала моих родителей надеждою – видеть во мне доброго сына и огорчала тем, что ей суждено было еще более раздражаться горестным моим происхождением. Так! Я не потерял сию чувствительность; она только спит в глубоком ожесточении. Я уже не дитя; советы честных, умных, но строгих благодетелей мне ужасны. Я убегаю их и думаю, что они не в силах вывести меня из заблуждения. Вы согласитесь, что голос природы сильнее другого действует на сердце. Один взор обманутой надежды, одна слеза, чувствительная к заблуждению сы-

¹ Скорее всего речь идет о Н.Н. Сандунове (1769–1832), драматурге и педагоге, которого Мещевский выделял среди своих наставников (*Сушков Н.Н.* Моск. унив. благородный пансион М., 1858. С. 77).

² Может быть, речь идет о приемных родителях Мещевского, проживавших в Курске или Курской губернии, как это следует из дальнейшего содержания письма.

на, могут меня навсегда вернуть мне, могут переменить меня скорее долгого и попечительного надзирания наставников – благодетелей. Мне надлежало бы писать письмо сие к Николаю Николаевичу, надлежало бы, может быть, явиться к нему, но, признаюсь, не только снести взор – самый ответ его читать я не в состоянии. Вы более снисходительны к моим слабостям; в вас смею я искать более доверенности ко мне. Позвольте мне говорить с вами откровенно. Я всегда почитал вас и всегда чувствовал к вам какую-то сильную привязанность, которую, конечно, внушала мне доброта вашего сердца. В вашем присутствии, слушая простые, дружеские советы ваши, я готов проливать слезы раскаяния, готов исправиться, выхожу от вас – и опять забываюсь. К стыду моему, признаюсь, советы благодетеля не могут на меня сильно действовать; слушаю их, раскаиваюсь и снова заблуждаюсь. Почитайте это признаком худого сердца; вы ошибетесь. Бывают минуты, когда я сильно чувствую жестокость моей испорченности, размышляю об моих родителях, о нежной их заботливости, об потерянной их надежде, о цели, к которой клонило меня мое воспитание, размышляю, и иногда слезы навертываются на глазах моих; но, к несчастью, скоро забываюсь. Чувствую твердо, я не в силах преодолеть себя один; однако ж хочу еще раз вернуть чувства младенчества, хочу быть человеком и надеюсь достигнуть цели сей единственно через свидание с родителями.

Теперь вы видите цель мою. Прошу вас не <колебать> ее вашими советами; они могут удалить ее на час из памяти, но истребить – никогда.

Я, против воли, решился быть твердым в этом предприятии и должен буду погибнуть, не исполнив его. Умоляю вас помочь мне; для проезда в Курск нужны деньги; я не имею их и, кроме вас, ни от кого получить не надеюсь. Может быть, вы назовете помощь сию орудием совершенной моей гибели. Нет! Я чувствую, что голос природы пробудит меня и делает человеком. Откровенно говорю вам, если не успею в моем предприятии, по причине недостатка денег, которых нигде более получить не могу, тогда я уже не властен в себе, тогда совершенное ожесточение погубит меня навсегда. Итак, если вы согласитесь 100 рубл.<ями> помочь несчастному и вернуть его к другой жизни, то помогите мне тем, за что одно сердце будет в состоянии благодарить вас. Если же эта надежда меня обманет – я твердо уверен в своей гибели. Она последняя.

Остаюсь Преданный вам А. Мещевской¹.

В основу датировки положены известные факты биографии Мещевского. Как становится известно из первого письма, поэт оставил гражданскую службу либо в 1808 г., либо в начале 1809 г. Вскоре после начала военных действий в России в июне 1812 г. он поступил юнкером в Астраханский кирасирский полк². Отсюда следует, что письмо могло быть написано не позднее первой половины 1812 г., когда Мещевский еще не состоял на военной службе.

¹ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 110. Л. 9–10 с об. Б.д.

² См. об этом: Зыкова Г.В. Мещевский А.И. С. 39.

4

Около 15 октября 1816 г. Оренбург

Милостивый государь!
Василий Андреевич!

Не могу выразить Вам утешительного чувства, посетившего меня при получении Вашего письма – с сладкою надеждою искал я в себе того, что могло вас надолго так расположить ко мне – так решительно учился я забывать встречи; состояния <нрзб.>. Не простое ли чувство сожаления одарило меня вашими строками? Простите – ищу уверить себя в ошибке. Хочу еще раз с доверенностью взглянуть вокруг себя и укрепиться мыслию, что Провидение ищет в вас моего утешителя, ходатая и избавителя. О! да подаст оно мне силы сблизиться с его предопределением. Сладкие подчас об нем размышления оживляются с незаблемою на него надеждою, воспоминание о Вас как о предназначенном друге несчастья, беседа с Музами по силе – вот будут отныне моими спутниками, желал бы сказать, неизменными! О, я постараюсь поддерживать собою эту надежду!

Буду смело продолжать *Наталью*¹, жалею, что в первом вашем письме не мог слышать об ней суда Вашего, надеюсь, теперь она у вас, но все еще без продолжения, посланного мною с Федором Ивановичем Германом² к Вам через г. Каченовского³. В исходе декабря доставлю экземпляр dokonченной пиесы вам и Н.М. Карамзину в светлом переплете с виньетами в белой тетради (у нас есть хороший живописец) и с посвящением имени его.

Если труд мой одобрите, то утешьте меня уведомлением: каким путем он увидит свет, как прибыльнее наградит публика глубоко зарытого своего хозяина, и на какой бумаге может быть прилично напечатан, и чего может стоить печать, и не по подписке ли должен идти в продажу; я беспокою Вас – нет нужд! – даже и мне в свою очередь прогуляться по дороге надежд, мною забытой, и я не в силах буду довольно благодарить вас – ведь это будет первым моим шагом к приюту Муз.

Я уже слишком доволен был и вашим незабвением меня, а вы знакомите меня еще и с другими утешителями – сердце чувствует, а я немой. Не забудьте меня, я буду этим богат – больше, нежели богат буду несколько выше. Мелкие занятия с этою же почтою послал к Каченовскому: и буду посылать на каждой почте⁴. Начал я требовать по-

¹ Здесь и далее имеется в виду «Наталья, боярская дочь», стихотворное переложение повести Н.М. Карамзина, над которым Мещевский работал в это время. В РГАЛИ (Ф. 1346. Оп. 1. № 253а) хранится рукописный список этого произведения Мещевского.

² Возможно, Герман Федор Иванович (1789–1852), майор, состоявший при казанском военном генерал-губернаторе.

³ Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842), историк, редактор журнала «Вестник Европы».

⁴ Здесь, по-видимому, речь идет о стихотворных произведениях Мещевского, напечатанных в журнале «Вестник Европы» в 1817 г.

правок – знаю, что кой-где вы не поправите. Желание мое прежде докончить ее, а потом приняться за <нрзб.>. Дай Бог, чтоб истины этой книги умел я назвать утешительными, поучающими, светлыми. Если б Томпсон¹ был в исправном, неуниженном в красотах переводе на французском, я бы попробовал себя – в 29 лет жизни² надобно на себя надеяться или по крайней мере тщательно искать в себе подарка Провиденья.

К описанию места моего пребывания и мест к нему близких, признаюсь, не имею расположения. Если бы и хотел смотреть на близкое ко мне со вниманием (в этом роде), думаю, не успел бы – как быть! Зато постараюсь это время и это внимание посвятить занятию сколько-нибудь мне родному. Для народных преданий, что услышу из <причуд>, иногда делающих или делавших прежде честь русскому характеру или обычаям, или отдалением времени заслуживающий извинения предрас-суд<ок>, или слепая стойкость в суеверии, по-видимому, ничего не обещающая или не обещающая, но иногда поддерживаемая случайными событиями – и проч.; если я понял предмет народных преданий – сказки, забавными чертами и происшествиями связанными с чем-нибудь нам знакомым или похожим по дошедшим до нас изустным или печатным преданиям или рукописям. Касательно сего, услыша, буду записывать и доставлять в вам, и из истории и характеров киргизцев, думаю, можно выбрать черты только те, разумеется, которые по сношению их с нами делаются занимательными, имея часто сильное на русских действие.

Мне кажется, все почти русские сказки можно хорошо писать в стихах – не изменяя ни ходу их, и иным [несколько слов в рукописи оторвано. – И.П.] русским выражениям, которые будучи хорошо выделаны, должны нравиться. Я не имею книг, а как приятно чувствовать, что поле знаний и без них довольно обширно – чувства и вымыслы прекрасное дело.

Цветите душою нашей поэзии и не оставляйте дарить строчками Вашими со всем преданного вам почтительного слугу вашего Мещевского.

Р. S. 15-го ноября, к сожалению, узнал я, что это письмо пролежало у Алексан<дра> Василь<евича> Корсун<ского>³: целый месяц за его недосугом. Посланные Вами 150 ас<сигнациями>⁴ я получил, искренно

¹ Имеется в виду Дж. Томсон (Томпсон) (1700–1748), английский поэт и драматург, автор популярной поэмы «Времена года». Вероятно, Мещевский думал о ее переводе с французского.

² Если предположить, что в октябре 1816 г. Мещевскому было 29 лет, то вероятным годом его рождения следует считать 1787 г.

³ Корсунский Александр Васильевич, возможно, двоюродный брат архимандрита Иакинфа (в миру Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853), известного востоковеда, основателя российской синологии, с которым Корсунский вместе учился в Казанской духовной семинарии.

⁴ См. письмо Жуковского к А.П. Елагиной от 15 сентября 1816 г. из Дерпта. В нем поэт, пересылая ей письмо Мещевского, просит «приложить при двух строках небольшую сумму денег, общими силами собранную». В ответном письме от 10 октября 1816 г. А.П. Елагина сообщает: «Благодарствуйте тысячу раз за письмо

благодарю вас, благодетель мой, Василий Андреевич, но дай Бог, чтоб я поскорее мог пустить в свет мою *Наталью*. Три года с половиною, проведенные мною в Оренбурге¹, при самой жестокой умеренности заставили меня сделать долги, которые меня чувствительно тревожат, а ваша помощь была мне здесь первою – ни слова ни от родных, ни от батюшки; при случае напечатания *Натальи* нельзя ли сделать мне наперед какую выгоду в зачет продажи, включая полученные мною 150 ас<сигнациями>. О себе напишу искренно и подробно для будущего, прислав к вам обещанную *Наталью*. К Качен<овскому> я кой-что послал, не забудьте меня, я вами только тверд, я здоров, будьте и вы здоровы и счастливы².

На бумаге имеется водяной знак «1815». Основанием для датировки служит работа Мещевского в 1816 г. над переложением повести Карамзина «Наталья, боярская дочь», отрывок из которой позднее был напечатан в журнале «Сын отечества» (1817. № 52), а также выход отдельного издания этой повести в Санкт-Петербурге в том же 1817 г. Несколько стихотворных произведений поэта, посланных этой же почтой Каченовскому, появились в «Вестнике Европы» тоже в 1817 г. (№ 3, 5, 6, 8, 11, 14). Наконец, в письме Жуковского к А.И. Тургеневу из Дерпта от второй половины января 1817 г. поэт просит его содействия в издании «Натальи, боярской дочери» Мещевского.

5

14 декабря 1817 г. Оренбург

Милостивый государь Василий Андреевич!

Хотя я не имел удовольствия получить от Вас письма, но это не мешало мне принять к сердцу знак (могу сказать) дружеского Вашего ко мне расположения, А.В. Корсунской был не менее чувствителен к Вашему поручению. Я работаю прекрасную вашу «Марьину рошу»³. Мне ка-

Мещевского. На этих днях мы посылаем ему, что теперь можем; будем еще собирать, и ответ ему доставим» (*Переписка* В.А. Жуковского с А.П. Елагинной. С. 184, 188).

¹ Как указывает Г.В. Зыкова, причиной ссылки Мещевского послужила его попытка оставить полк в военное время, в результате чего он был разжалован в рядовые без права выслуги и в начале 1814 г. сослан в Оренбургский гарнизонный полк. См.: Зыкова Г.В. Мещевский А.И. С. 40. Учитывая это замечание поэта, можно сказать, что он был сослан в Оренбург не в начале 1814 г., а в начале 1813 г.

² РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 110. Л. 2–3 с об. Б.д.

³ Работа над стихотворным переложением повести Жуковского «Марьина роша» была начата в 1817 г. Отдельное издание этой повести Мещевского вышло в 1818 г. в Санкт-Петербурге.

залось, несчастье лишило меня (дай Бог, чтоб это было на время) сил искать мыслей в себе; может быть, придет когда добрая пора, когда новость предметов, близость к тем, кто принимал участие в тяжелом моем невзгодье, освежат меня для чего-либо. Федор Иванович Герман доставит Вам строфы мои¹ <нрзб.>; будьте мне в них поручительным судьей. Благодарю Вас за попечение Ваше об *Наталье*; скажу однако искренно: ласкает меня напечатание оной, но очень, очень мало; а труд мой в ней нисколько меня не утешает; сколько достаёт бодрости, продолжаю работать. Пожалейте обо мне, Василий Андреевич; нет места безрадостной и тяжелой душе – принесена не бедная жертва здоровья. Простите, будьте счастливы и <нрзб.>.

Ваш *Мещевской*.

P. S. Примите мою искреннюю благодарность за поправки в *Наталье*².

6

<1818 г. Оренбург>

Как выражу я удовольствие, с которым получил письмо Ваше. Скажу только: оно возвратило меня к спокойствию и к надежде, которых я начинал уже чуждаться; и верьте, Василий Андреевич, обратиться на себя Вашу холодность было бы для меня истинным несчастьем; Я знал Вас лично недолго, но как умел я читать в чертах душу Вашу! Никогда я не был холоден к советам Вашим, никогда не буду неверчив к Вашим утешениям, и эти чувства, твердые во мне и много мною самим ценимые, дают мне право на память Вашу. Герману за худое мое о нем мнение я извинился, а за разговор его в мою пользу с А.И. Тургеневым благодарил. Мы помирились, и я даже хотел, чтоб он видел оправдание свое в письме Вашем. Чтоб поддержать здоровье, сделал я поездку в город Уфу и дорогою в коляске моего спутника забылся трагедиею «La Morte de Cesar»³ в оригинале, которая и хранилась вместе с <нрзб.>. Пишу к Ullage и к Vouvare⁴ и прошу их прислать мне эту трагедию. Простите, добрый Василий Андреевич! Мне кажется, если бы участь моя переменилась, я не покидал бы Вас ни на минуту. Вам угоден мой адрес – какой же он? Кроме Алек<сандр> Иван<ович> Мещ<евский> ничего написать не могу. Будьте здоровы и богатеите прекрасными стихами.

М.⁵

¹ Возможно, речь идет об отрывках из «Марьиной рощи» Мещевского.

² РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 110. Л. 1.

³ Речь идет о трагедии Вольтера «Смерть Цезаря». Как указывает Г.В. Зыкова, опираясь на переписку Мещевского с Вяземским, поэт перевел эту трагедию в 1819 г. См. об этом: Зыкова Г. В. Мещевский А. И. С. 40.

⁴ Возможно, владельцы книготоргового магазина.

⁵ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 110. Л. 5.

В возможной датировке данного письма учитываются следующие факты. Упоминание имени Ф.И. Германа, который ранее должен был доставить Жуковскому «строфы» Мещевского и который ходатайствовал перед А.И. Тургеневым за опального поэта. Кроме того, чтение трагедии Вольтера «Смерть Цезаря» в оригинале и мысль о ее переводе, законченном в 1819 г., как об этом пишет Г.В. Зыкова¹, позволяют датировать письмо 1818 г.

7

16-го октября <1818–1819 г.> Оренбург

Милостивый Государь Василий Андреевич!

Не ишу оправдаться; настоящая моя участь бросает меня иногда в бесчувствие, которого причиною полагаю недоверчивость к будущему. Простите малодушию и не примите молчание за неблагодарность. Деньги 100 ас<сигнациями> и потом 350 ас<сигнациями> я получил с чистою признательностью к Вашему ко мне вниманию. Полгода не получаю известия от князя Петра Андреевича² насчет моей участи; это лишает меня спокойствия. Есть у меня теперь работа порядочная. Если удасться кончить оную в доброй отделке (чего надеюсь), то перешлю ее к Вам³. Простите, почтенный Василий Андреевич. Желая Вам всевозможных успехов на прекрасном вашем поприще и забывания того, кто вмещает в Вас все свои надежды.

А. Мещевской⁴

Основанием для датировки может служить факт получения автором письма денег от Жуковского, которые, по-видимому, явились авторским гонораром за отдельное издание «Марьиной рощи» Мещевского, появившееся в 1818 г. Кроме того, «работа порядочная», о которой говорит поэт, может быть связана с переводом упоминавшейся в предыдущем письме трагедии Вольтера «Смерть Цезаря».

¹ См.: Зыкова Г.В. Мещевский А.И. С. 40.

² Имеется в виду П.А. Вяземский.

³ Речь, видимо, идет о работе над переводом трагедии Вольтера «Смерть Цезаря».

⁴ РГАЛИ.Ф. 198. Оп. 1. № 110. Л. 4. Б.г.